

Максим Макарецв, Светлана Сиднева, Антон Туни

Круглый стол «Цветница. Duminica floriilor.

Вауокурѝакѝ. Diela e lulevet...:

Растительный код Вербного воскресенья

в балкано-балто-славянском ареале»

30 марта 2010 г. в Институте славяноведения РАН прошел круглый стол «Цветница. Duminica floriilor. Вауокурѝакѝ. Diela e lulevet...: Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале». Мероприятие было организовано Центром лингвокультурных исследований «Balcanica» совместно с Центром балтославянских исследований. На круглом столе прозвучали 15 докладов, подготовленных филологами, историками, лингвистами и искусствоведами, представлявшими Институт славяноведения и другие научные организации. Выбранная для круглого стола тема является органичным продолжением круглого стола «Мартеница. Mărțișor. Март’с. Verore...», который ЦЛИ «Balcanica» провел в 2008 г.¹ *Мартеница* и другие балканские термины, вынесенные в заглавие однодневного симпозиума, обозначают обрядовую реалию — бело-красные сплетенные нити, которыми балканцы обмениваются 1 марта, поздравляя друг друга с приходом весны. Объединяет эти два праздника — начало весны и Вербное воскресенье — мотив *встречи*. Однако если Мартеница является днем встречи весны, марта, то в основе символики Цветницы

Максим Максимович Макарецв

Институт славяноведения РАН,
Москва, makarcev@bk.ru

Светлана Александровна Сиднева

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
lucia80@mail.ru

Антон Евгеньевич Туни

Институт славяноведения РАН,
Москва,
blagovestje@gmail.com

¹ Материалы опубликованы в: [Мартеница 2009].

находится библейский сюжет встречи Иисуса Христа, входящего в Иерусалим, и разнообразные трактовки и лингвокультурные воплощения этого сюжета, преломленного призмой архаического мировосприятия носителей традиционной модели мира. Это дает богатейший материал для исследований. Во вступительном слове руководителя ЦЛИ «Balcanica» И.А. Седаковой прозвучала важная мысль, оказавшая непосредственное влияние на формулировку темы мероприятия и несомненно подтвердившаяся в самих докладах: основным кодом Вербного воскресенья в народно-христианской традиции является растительный, что отражается как на уровне языка (в терминологии этого дня во всех европейских традициях присутствует мотив цветов, растений, например *Вербное, Пальмовое, Цветочное воскресенье*), так и на уровне обрядов (в т.ч. обрядов освящения растений в церкви). Освященные растения (например, верба), будучи вынесенными из сакрального церковного пространства, нередко получают в народных представлениях магические свойства, приобретая статус «вторичных ритуальных предметов» (по терминологии Н.И. Толстого). Вегетативная тематика праздника, не ограниченная исключительно сюжетом Входа Господня в Иерусалим, позволила участникам круглого стола выйти за рамки ритуального комплекса и показать, как растительный код функционирует в языке, фольклоре и культуре разных народов.

Большинство докладов было посвящено Вербному воскресенью. Хотелось бы начать с яркого и запоминающегося выступления Т.В. Цивьян (ЦЛИ «Balcanica», Институт славяноведения РАН) «Вербная тема в русской литературе XX в.: мерцающая мифология». На материале праздника было показано, как в русской литературе отражаются следы архетипической модели мира. Т.В. Цивьян исследовала значительный пласт текстов, где «смысл праздника воплотился в растении, которое как бы поглотило сюжет». Конечно, русская «Вербная хрестоматия» (по определению Т.В. Цивьян) не ограничивается только лишь вербой, и, тем не менее, ее фрагмент, связанный с вербой, чрезвычайно насыщен мерцающими мифологическими мотивами (возрождение, смерть, детство), засвидетельствованными в архетипе в большей степени, чем в русской литературной традиции.

Сквозными мотивами большинства докладов оказались мотивы возрождения/обновления, смерти и детства. Так, в докладе О.В. Трефиловой (Институт славяноведения РАН) «Оппозиция молодой—старый герср. новый—ветхий в древнейших славянских переводах “Слов” на Вербное воскресенье» они рассматривались на материале старославянских памятников, относящихся к одноименному тексту Иоанна Златоуста. С этим

докладом оказалось связанным выступление Е.В. Пчелова (РГГУ) «“Чудо-дерево” Московского царства: верба в церемонии шествия на осляти в XVI–XVII вв.». Е.В. Пчелов рассказал о структуре праздничного шествия, изображавшего Вход Господень в Иерусалим, и его месте в русской культуре эпохи XVI–XVII вв. Прообразом московского шествия, в котором принимали участие царь и патриарх, послужила аналогичная новгородская церемония; некоторое время подобные шествия совершались и в других крупных городах, центрах епархий, пока не были запрещены все, кроме московского. Для Москвы же наиболее позднее упоминание этого обряда датировано 1693 г. Изначально маршрут шествия пролегал внутри стен Кремля, в позднейшее время процессия берет начало у Лобного места и, двигаясь к Успенскому собору, фактически входит в Кремль, символизирувавший Новый Иерусалим. Основным элементом обряда было «чудо-дерево», т.е. верба, которую специальным образом украшали плодами и везли на санях в начале процессии. В ранний период бытования обряда верба представляла собой растительный образ Святой Земли, оказываясь на семантическом уровне (по крайней мере в рамках церковного шествия) антонимом бесплодной смоковницы: верба без листьев, но с плодами, смоковница обладает листьями, но не приносит плодов. Различные дополнительные атрибуты вербы становятся указанием на другие важные предметы растительного кода: символика изюма отсылает к образу Христа-лозы (ср. преложение вина в кровь Христову в христианской литургии), рожковое дерево символизирует пищу св. Иоанна Крестителя в пустыне, финики — пальмовые ветви, с которыми Иисуса Христа встречали во время его вхождения в Иерусалим. Со временем, когда вербу стали украшать яблоками, различными искусственными плодами, цветами и даже птицами, она становится субститутом райского сада, что актуализирует мотив загробного мира, но также и обновления (ср. такие изофункциональные субституты *рая*, как *вечная, новая жизнь*).

Доклад В.Л. Кляуса (Институт мировой культуры МГУ) «Верба как знак русского дома в Трехречье» был посвящен одному из культурных феноменов современного Трехречья, района на севере Китая (по реке Аргунь), заселенного после окончания Гражданской войны в России потомками русских беженцев из Забайкалья. Около 25 000 русских проживали там до 50-х гг. XX в. После установления коммунистического режима в Китае они по большей части покинули страну, однако в китайском Трехречье остались их потомки, перешедшие на китайский язык, но сохранившие православную веру и записанные в своих китайских паспортах как русские. Веточки вербы в этом регионе, как и во всем Забайкалье, издавна клали перед иконами

в Вербное воскресенье и хранили в течение года. Использовали их и как обереги в магических обрядах, например в некоторых районах вербой провожали коров в поле. В последние годы в Трехречье в связи с интенсивным развитием этнотуризма верба оказывается одним из основных маркеров «русскости» дома. Сегодня «русский дом» в Приаргунье — коммерческое предприятие, в нем можно остановиться на ночлег и пообедать «по-русски». Его «знаками» помимо поясняющих табличек стали качели во дворе и очень красочно оформленные деревья или кусты, фигурирующие в качестве вербы. Эти «вербы» украшены искусственными цветами и ленточками, которые, возможно, восходят к «барашкам», сушеным цветам, украшавшим божницы забайкальских русских домов. Связана такая модификация с необходимостью дополнительно маркировать дом как «русский» в коммерческих целях. Так верба из символического предмета, актуализирующего мотивы мерцающей мифологии, становится предметом мира постфольклора.

Несколько докладов было посвящено этнолингвистическому описанию праздника в разных балкано-балто-славянских традициях. Так, В.В. Усачева (Институт славяноведения РАН) рассказала о Вербном воскресении у поляков, показав, что основные темы этого праздника повторяются и в русской, и в польской традиции (здесь выделяется мотив *детства*, который кодируется целыми цепями диминутивов, ср. названия пушистых почек вербы *bazie* ‘барашки’, *kotki* ‘котики’ и под.). Многие польские обряды Вербного воскресенья перекликаются с другими традициями: с обрядом *palmowanie*, когда люди бьют друг друга освященными «пальмами», букетами-вербами и символ вновь ожившей природы передает свою силу людям, а также с обходными обрядами. В Кракове существовал обряд-инсценировка въезда Христа в Иерусалим, запрещенный позже Церковью из-за того, что сопровождался песнями фривольного характера. Сами «пальмы» использовались как обереги, а пушистые соцветия вербы наделялись целебными свойствами.

М.М. Валенцова (Институт славяноведения РАН) в докладе о Вербном воскресении в чешской и словацкой народных традициях также отметила, что количество общих мотивов и сюжетов у поляков, чехов, словаков и русских исключительно велико: например, повторяется мотив *детства* на лингвистическом уровне (названия цветов и почек, переводимые как ‘барашки’, ‘котята’ и под.), мотив *смерти* (ср. гадания на обрядовом уровне: если крестик из веток, сделанный на Вербное воскресенье и оставленный на поле, оставался зеленым до самой уборки урожая, то верили, что нашедший его первым умрет

в этом году в тот же день недели; в Моравии вербы сжигали и пепел клали в гроб умершему) и др.

Темой доклада Р. Балкуте (Центр народной культуры Литвы) и М.В. Завьяловой (Институт славяноведения РАН) стали традиции Вербного воскресения в Литве. В современной Литве слово, переводящееся на русский как «верба», может означать как букет из живых веток самых разных растений, так и декоративные букеты из сухих цветов. Традиция отмечать Вербное воскресенье, принося в храм ветви деревьев и кустарников, возникла в XVI в., скорее всего, под славянским влиянием. Изначально «вербы» были только живые, в основном они делались из ивы и можжевельника (символизирующих жизненную силу и обладающих апотропейными функциями), но в качестве дополнительных использовались и другие растения. Единственное дерево, никогда не выступавшее в качестве вербы, — это осина. Функции вербы в Литве обнаруживают много сходства с другими традициями. Так, верба в течение года хранилась в важных местах избы: рядом с печкой, у икон; верба защищала от грозы; известны обряды хлестания и окуривания людей и скота для защиты от болезней (причем в местностях, где по географическим причинам больше распространена верба из можжевельника, больше распространено окуривание). В XIX в. возникают искусственные (неживые) вербы, изначально — в окрестностях Вильнюса, в польскоязычной среде. Сегодня популярность этих «польских» верб, разнообразных по форме и исполнению, стремительно растет, и они стали неизменным атрибутом праздника в Литве.

С.А. Сиднева (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «*Statue vegetali* в калабрийских обрядах Вербного воскресенья» рассказала об одном любопытном обряде, зафиксированном исключительно на юге Италии, в регионе Калабрия, в поселении Бова Хора, в приходе Сан-Лео, где кроме итальянцев проживают албанцы и греки, что обогащает локальную традицию взаимными влияниями. Накануне Пальмового воскресенья там делают так называемые *statue vegetali* — растительные фигурки разных размеров, одна из которых, более крупная, изображает «мать», другая, поменьше — «дочь». Во время праздничной службы их кропят святой водой и затем обносят вокруг селения. По окончании шествия участники разбирают *statue vegetali* на части, чтобы использовать в обрядовых действиях, основная направленность которых — апотропеическая. Уникальной является форма растительной композиции, встречающейся в Калабрии. Относительно происхождения обряда плетения фигурок «матери» и «дочери» существуют различные гипотезы, связывающие его как с древней языческой традицией (культ Персефоны и Деметры), так и с более поздней

христианской (греческие обряды, связанные с олицетворением Великого Поста — *Саракости*). Доклад С.А. Сидневой выводит нас непосредственно на балканский материал, к которому в своих выступлениях обращались еще несколько докладчиков.

Доклад А.А. Плотниковой (Институт славяноведения РАН) «Вербная (Лазарева) суббота: особенности девических обходов у балканских славян» был посвящен южнославянскому обряду обхода селения с благопожеланиями, танцами и песнями, который совершался девушками («лазарками») на Лазареву субботу. Продуцирующим и апотропеическим смыслом наделялся танец лазарок. В некоторых регионах Болгарии лазарки танцевали с веточками вербы в руках — обычно там, где обход совершался или продолжался в Вербное воскресенье; нередко девушки украшали себя венками и живыми цветами. Структура обряда контаминирует с другими обрядами обхода (например, окказиональным ритуалом вызывания дождя *пеперуда*), а сам он в некоторых местах превращается в инициацию, и участие в нем становится обязательным для девушек, вступающих в брачный возраст. На основании лингвогеографических данных и исходя из структуры обряда А.А. Плотникова делает вывод, что первоначальным его названием было слово с корнем **bujen*, символизировавшее жизненную силу пышно произрастающих растений, которую и пробуждали танцующие девушки.

К.А. Климова (Институт славяноведения РАН) в докладе «*Та βάρια νικητήρια* (пальма, лавр и другие растения) в греческой народной традиции» объединила растения, которые имели ритуальное значение на праздновании Лазаревой субботы и Вербного воскресенья в греческом мире (*τα βάρια νικητήρια: φοίνικας* ‘пальма’; *δάφνη* ‘лавр’; *ιτέα, ιτιά* ‘ива’; *μύρτος, μυρτιά* ‘мирт’; *ελιά* ‘оливковые ветви’), в одну группу. Безусловно, они изофункциональны — им приписываются магические свойства изгонять темные силы и оберегать дом и семью в течение всего следующего года, что проявляется на обрядовом уровне. Сами обряды своими основными характеристиками не выделяются из общепалканской традиции: в субботу незамужние девушки и дети совершают обходные обряды с танцами и специальными песнями, а также украшают дома различными растениями или изготавливают из них особые украшения, в т.ч. кресты (на Крите и Додеканесах). Все эти растения (чаще всего пальма и лавр) называются в этот период *βάρια* и воспринимаются как «победоносные».

Доклад Н.Г. Голант (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) «*Duminica Floriilor* и мифологические представления румын, связанные

с растениями» был посвящен лексике Вербного воскресенья (рум. *Duminica Floriilor* букв. 'Воскресенье Цветущих'), главным образом фитонимике, а также другим обрядам и представлениям, связанным с растениями в румынской традиционной культуре. У румын в обычаях Вербного воскресенья верба прежде всего связывается с плодородием, а также наделяется апотропеическими свойствами. Вербой украшали ворота и внутренние части дома для его защиты и благополучия. В Северной Буковине верба считалась единственной защитой от дьявола. Во время жатвы вербой опоясывались, чтобы избежать болей в пояснице. Символика растения обнаруживает двойственность: она может быть связана как с культом Богородицы, так и с миром мертвых, смертью. С одной стороны, вербу запрещено рвать и ломать, а свою силу верба получила от Богородицы в благодарность за то, что помогла ей пересечь ручей, когда та искала распятого Иисуса (в другом варианте легенды верба создала тень, чтобы мать с младенцем могли отдохнуть). С другой стороны, в некоторых регионах Румынии вербой украшали не только дома и хозяйственные постройки, но и могильные кресты на кладбищах (Олтения, Трансильвания); по некоторым представлениям верба принадлежит черту (Буковина) и проклята; а в одном из вариантов легенды верба проклята за то, что только вербные гвозди вошли под ногти Господу, когда его мучили евреи. В другом варианте верба проклята св. Георгием за то, что назвала его пьяным, когда святой споткнулся о ракиту.

На балканском (болгарском, македонском и албанском) материале был основан доклад М.М. Макареца (ЦЛИ «Valcanica», Институт славяноведения РАН) «Растительный код в "Балладе о мертвом брате"». Докладчик показал, как с помощью растительного кода кодируется сюжет баллады: мертвый брат, пришедший, чтобы отвезти свою сестру домой повидаться с матерью, объясняет исходящий от него запах смерти как запах растений, выбор которых в различных вариантах текста, очевидно, не случаен. Парадоксальным образом растения, которые обычно являются признаками жизни, сильными апотропеями (*базилик*, *крапива*), указывают на смерть брата, а им используются для отвода глаз: будто бы это не запах мертвеца, а всего лишь запах базилика. Впрочем, и в этом случае указание на смерть брата более чем прозрачно: базилик в качестве апотропея используется и в свадебной обрядности, и в погребальной, а «девятилетняя плесневелая пшеница» в болгарских песнях отсылает к погребальному обряду пересыпания пшеницы (или любого другого сыпучего продукта) через пальцы усопшего, чтобы сохранить в доме его *късмет* (т.е. спору, плодородие, удачу и т.д.).

Актуальная проблема применения лингвистической терминологии и методологии к изобразительному искусству ставится в докладе Н.В. Злыдневой (Институт славяноведения РАН) «Процветшая плоть в балканской изобразительной традиции: к проблеме контаминации кодов». Автор доклада подходит к изображению как к высказыванию, обладающему своей структурой. Растительный код от архаики и до эпохи югославского сюрреализма и примитивизма (30–60-е гг. XX в.) связывается с телесностью через мотив «процветшей плоти». Эта связь может быть организована и в виде простых «синтагм» (человек + растение, как в творчестве Л. Поповича или в картине «Акт с цветами» М. Скурени), и в виде более сложных (как, например, в творчестве И. Рабузина). Мотив соединения человеческого и растительного является архаичным, его можно проследить уже для культуры Винча (балканский верхний неолит) и для более поздних традиций: минойской, этрусской, эллинистической, славянской — т.е. он является универсальным. Однако при комплексном рассмотрении и растительных мотивов, и мотивов вывернутой наружу земли как сверхфразового единства можно увидеть балканскую специфику функционирования растительного кода.

О.А. Кифишина (МПГИ) в докладе «К вопросу об иве в древнегреческом ритуале и мифе» проанализировала наименования ивы (или вербы), встречающиеся в античных текстах, и ее связь с древнегреческими культами. Рефлексы почитания этого растения можно обнаружить в мифологии, топонимике сакральных мест, эпитетах богов и героев. Образ ивы (ветлы, вербы, ракиты и др.) оказывается амбивалентным: для нее характерна как женская символика, так и мужская, связь с культами Деметры и Персефоны, с одной стороны, и Адониса, с другой. Проявлением «мужского» могут быть также представления об умирающих и воскресающих Дионисе и Аполлоне (в лице Асклепия) как о вербеновых/ивовых/древесных богах.

Л.И. Акимова (ГМИИ им. А.С. Пушкина) в своем докладе также подошла к проблеме оппозиции мужской–женской и ее выражения в растительном коде на материале погребального убранства царицы Ура Шубад. Голова принцессы была украшена ивовым и буковыми венками. Буковые венки (= женское) символически противопоставлены ивовому (который соотносится с неким мужским умирающим и возрождающимся божеством). Л.И. Акимова находит параллели мотиву почитания растения как символа жизненной силы в некоторых обрядах Древнего мира, например в египетском обряде воздвижения столба Джеда на празднике Хипсета, т.е. 30-летия фараона, и в греческих обрядах воздвижения столба Диониса-дендрита и бичевания юношей перед алтарем Артемиды-лигодесмы в Спарте. Схожие

мотивы можно обнаружить и в современных восточнославянских пословицах и приговорах с вербной тематикой («Не я бью — верба бьет», «Вербохлест — бей до слез»), символически заменяющих жертвоприношение; а также в современном западно-украинском обряде первого дня Пасхи, когда на церковном кладбище собирались все силачи деревни и становились в акробатическую фигуру, напоминающую дерево (пятеро в нижнем ряду, на них четверо и так до тех пор, пока на самом верху не становился один человек; для поддержания равновесия они использовали деревянный шест).

Таким образом, комплексное освещение одного праздника на разных уровнях позволяет четко увидеть не только общие и универсальные идеи, формирующие его символику, но и вычленить индивидуальное, характерное для конкретных традиций, а также подойти к проблеме эволюции связанных с ним представлений. Материалы круглого стола готовятся к публикации. ЦЛИ «Balcanica» планирует и в дальнейшем проводить подобные, ставшие уже традиционными, тематические научные мероприятия.

Библиография

- Мартеница. Mărțișor. Март'с. Verore...: Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года / Редкол. И.А. Седакова (отв. ред.), М.М. Макарецв, Т.В. Цивьян (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. См. содержание: <http://www.inslav.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=289:-mrior--verore--25--2008-&catid=8:2009-08-05-10-47-42&Itemid=8>.